
КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ховавко И. Ю.*

Экологическая проблематика дает широкий простор для манипулирования, поскольку позволяет влиять на экономические и социальные аспекты жизни общества и навязывать обществам невыгодные для них решения. Исходя из этого, объективное изучение экологических проблем и адекватная оценка решений, предлагаемых мировым сообществом, позволит России правильно выстроить приоритеты своей политики в этой области. Для нашей страны это исключительно важно, поскольку она обладает самыми большими в мире запасами природных ресурсов – более четверти мирового природного капитала. Есть все основания полагать, что интерес к ним со стороны Запада будет только увеличиваться.

Ключевые слова: устойчивое развитие, природный капитал, экстерналии, экологические ограничения экономического роста, интернализация экстерналий.

The environmental issues provide wide opportunities for influence on economic and social life of society. They can impose on societies disadvantageous solutions as well. An adequate assessment of environmental problems and the solutions proposed by the world community will allow us to correctly pose priorities of our policy. It is extremely important for Russia, as it possesses the biggest stocks of natural resources – more than a quarter of the world natural capital.

Keywords: sustainable development, natural capital, externalities, environmental restrictions of economic growth, internalization.

Для переформатирования мира в своих интересах Запад использует широкий арсенал средств, одним из которых является формирование системы взглядов на проблемы экологии. Важно проанализировать, насколько декларируемая система ценностей безобидна, поскольку экологическая проблематика дает широкий простор для влияния на экономические и социальные аспекты жизни государств путем навязывания невыгодных решений. В связи с тем, что Россия обладает самыми большими в мире запасами природных ресурсов – более четверти мирового природного капитала, – есть все основания полагать, что интерес к ним со стороны Запада будет только увеличиваться.

Центральное место в экологическом дискурсе занимает концепция устойчивого развития (КУР). Данная концепция ставит вопрос о коллективном выживании человечества в условиях растущей глобальной ограниченности ресурсов при-

* Ховавко Ирина Юрьевна – д. э. н., в. н. с. экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: irina.hov@rambler.ru.

роды и об ответственности нынешнего поколения за судьбу будущих. Для решения этого вопроса принципиально важно понять: 1) являются ли экологические ценности, проповедуемые КУР, универсальным императивом, и все ли жители Земли обязаны неукоснительно соблюдать предлагаемые ею ограничения; 2) каковы эти ограничения, кто их сформулировал, как они увязаны с интересами отдельных стран (в том числе и России); 3) как основные положения КУР вписываются в процессы глобализации и как соблюдаются в реальности. Это позволит провести верификацию КУР как научной теории и обсудить вопрос о том, как следование КУР может повлиять на судьбу России.

Основные положения концепции устойчивого развития

Основные положения КУР сформулированы в докладах Римского клуба¹, международных правовых документах (решениях международных конференций, документах ООН и т. д.), в многочисленных работах по экологической экономике. Обычно под устойчивым развитием (УР) понимается сбалансированное социальное, экономическое и природное взаимодействие. Достаточно близко это соотносится со всеобъемлющим планированием (*comprehensive planning*). Сегодня, однако, слишком частое упоминание этого термина привело к тому, что его использование воспринимается скорее как фигура речи, чем как строго научный термин: устойчивое развитие – это когда «у всех все хорошо».

Классическое определение УР как развития, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности, было введено в мировую науку и политику в докладе комиссии Брундтланд («Наше общее будущее») в 1987 г. С одной стороны, данное определение отразило ресурсные ограничения современного общества, однако его формулировка столь политкорректна, что содержит больше вопросов относительно того, что считать устойчивым развитием, чем ответов на них. По этому поводу процитируем известного российского экономиста В. И. Данилова-Данильяна: «Самое сомнительное в этом определении – апелляция к “собственным потребностям будущих поколений”. Неясно, о каких потребностях идет речь... Неясно, каковы будут способы удовлетворения потребностей, даже если сами потребности признать известными... Что значит “ставить под угрозу способность будущих поколений”? До какого временного горизонта должны распространяться такие оценки? Это все очень смутно» [Данилов-Данильян 2007]. Поскольку ответов на эти вопросы нет до сих пор, перечислим круг основных тем, которые обычно входят в дискурс устойчивого развития:

1. Введение в экономический оборот природного капитала. Природные ресурсы как глобальное достояние.

2. Проблемы межпоколенческой справедливости по отношению к ресурсам природы.

¹ Римский клуб – неправительственная организация, был создан А. Печчен – вице-президентом концерна *Fiat* – в 1969 г. Цели своей деятельности клуб сформулировал глобально: составить представление о современном состоянии мира, выявить альтернативы развития человечества и наметить возможную программу действий.

3. Экологические ограничения экономического роста и численности населения.

4. Проблема глобального изменения климата (глобального потепления) и разработка механизмов снижения выбросов парниковых газов.

Рассмотрим каждую из этих тем подробнее.

Природный капитал в экономике

Природа всегда тем или иным способом включалась в экономический анализ, причем перечень элементов природы, включаемых в анализ, постоянно расширялся. На ранних этапах своего развития экономическая наука рассматривала основным природным богатством землю, позднее – природные ресурсы, к которым приложен труд, теперь объектом анализа стал *природный капитал*. Последний включает природные ресурсы, регулирующие функции природы (ассимиляция отходов и загрязнений), обеспечение людей природными услугами (рекреация, эстетическое удовольствие и пр.). В настоящее время бурно развиваются исследования, направленные на определение «цены» ценности природы, которая существенным образом меняет традиционные макроэкономические показатели (национальное богатство), показатели оценки эффективности хозяйственной деятельности и т. д.

Оценка природного капитала – сложная научная проблема. В основе измерения лежит капитализация всех функций природы с учетом фактора времени. Согласно классику экологической экономики Г. Дейли, природный капитал представляет собой запас (*stock*), который является источником потока природных услуг и реальных природных ресурсов, названный им «природным доходом». На сегодняшний день стоимостная оценка этого природного дохода ограничивается отдельными пилотными исследованиями. Например, популярны оценки, полученные группой ученых под руководством Роберта Констанца (Мэрилендский университет)², получившие суммарную оценку природного капитала в 35 трлн долларов (вдвое больше ВВП в тот же период) [Бобылев 1998].

Методический аппарат для оценки стоимости природных благ, развиваемый в рамках концепции общей экономической ценности, отличается эклектикой применяемых подходов, отсутствием по многим вопросам реальных удельных оценок. Например, ценность болот определяется на основании депонированного (поглощаемого) углерода, а стоимость 1 тонны углерода берется по данным созданного в результате реализации Киотского протокола рынка парниковых выбросов (10–50 долларов за тонну). Во-первых, даже нижняя и верхняя оценки отличаются в 5 раз. Во-вторых, в условиях кризиса мировой экономики такой рынок практически перестал существовать. В-третьих, если усомниться в справедливости теории глобального потепления и необходимости сокращения выбросов парниковых газов (см. об этом ниже), вообще исчезают основы для оценки экосистемных функций природы. Степень достоверности оценок сегодня остается низкой. Эта особенность не позволяет реально повысить «конкурентоспособность» природы,

² В исследовании изучались 17 категорий функций и услуг природы, среди которых были регулирование климата, газового состава атмосферы, водных ресурсов, образование почвы, переработка отходов, генетические ресурсы и др.

поскольку при существующей методической базе можно обосновать любой нужный результат.

Отсутствие четких методических подходов наблюдается в отношении не только оценки самого природного капитала, но и того, какую его часть следует включать в национальное богатство. Тенденция развития системы национальных счетов состоит в постоянном расширении объектов, включаемых в ВВП и национальное богатство (за счет перемещения результатов некоторых видов деятельности из промежуточного продукта в конечный, учета услуг финансового посредничества, выделения в отдельную группу основных фондов продуктов интеллектуальной собственности и т. д.). Включение в этот ряд «услуг природы» расширяет сферу рыночных отношений и еще более «виртуализирует» систему национальных счетов, увеличив и без того заметный разрыв между экономическими показателями и экономической реальностью.

Приведем данные исследования национального богатства (НБ), проведенного по методике Всемирного банка в конце прошлого века специалистами Института экономики РАН (см. табл.).

Таблица

Национальное богатство на рубеже веков

	НБ (трлн \$)	Доля в мировом НБ (%)	НБ на душу населения (тыс. \$)	Структура НБ (%)		
				Челове- ческий капитал	Природ- ный капитал	Физиче- ский капитал
Мир	550	100	90	66,4	16,4	17,2
Страны «Семерки»	275	50	360	78	4	18
в том числе США	24	4				
Страны ОПЕК	95	17	195	47	37	16
Страны СНГ	80	15	275	50	37,5	12,5
в том числе Россия	60	11	400	50	40	10
Прочие страны	100	18	30	65	15	20

Источник: составлено автором на основе [Катасонов 2015].

Из таблицы следует:

1. НБ России составляет 11 % мирового, в 2,5 раза превосходит НБ США.
2. По уровню НБ на душу населения Россия занимает 1 место в мире (400 тыс. долларов на человека против 360 тыс. на человека в странах «Большой семерки» и в 4,4 раза больше, чем в среднем по миру).
3. В структуре НБ России на отдельные компоненты приходилось: человеческий капитал – 50 %, природный капитал – 40 %; физический – 10 %.

4. Доля России в природном капитале мира – 27 %, в человеческом – 8 %, в физическом – 6 %.

В этот же период (конец 1990-х гг.) официальная отечественная статистика оценивала НБ России примерно в 4 трлн долларов, что показывает кратное занижение официальных оценок (включаются только стоимость основных фондов, материальные оборотные средства и домашнее имущество населения). Хотя именно эти оценки брались в качестве базы при проведении приватизации. Ближе к оценкам, представленным в табл. 1 (60 трлн долларов), результаты, полученные бывшим директором НИИ статистики Госкомстата России Василием Симчерой. По его данным, НБ России складывалось из физического и природного капиталов, которые он оценил в 40 трлн долларов, и человеческого капитала – 25 трлн долларов [Симчера 2012]. То есть только материально-вещественная часть НБ России составляет порядка 40 трлн долларов, что сопоставимо с мировым ВВП в аналогичный период.

Таким образом, современные трактовки природного капитала расширили оцениваемую область природы, включив в нее не только природные ресурсы, вовлеченные в орбиту хозяйственного освоения, но и некоторую их «божественную» часть, что значительно увеличило значение природного фактора в оценке национального богатства. Применительно к России это еще раз подтвердило значимость ее природных богатств.

Интересна постановка вопроса о границах взаимозаменяемости капиталов. Если вопрос о взаимозаменяемости физического и человеческого капитала (в виде живого труда) достаточно изучен в экономической науке, то вопросы взаимозаменяемости природного и физического, природного и человеческого капиталов относительно недавно попали в поле зрения ученых. В КУР в зависимости от ответа на вопрос о том, сколько природного капитала можно расходовать и в какой мере может происходить его замещение искусственным (созданным человеком), выделяется сильная и слабая устойчивость. При сильной устойчивости экономическая деятельность должна быть подчинена строгим экологическим ограничениям, при слабой – допустим определенным баланс издержек и выгод.

Взаимозаменяемость природного и человеческого капиталов обычно иллюстрируется примером компенсации сокращения природного капитала вложениями в человеческий (например, в образование). Однако правомерен и обратный вопрос: может ли сокращение человеческого капитала быть компенсировано ростом природного? Как оценить ситуацию: люди деградировали, природа расцвела, национальное богатство выросло? Есть ли у природы ценность без человека? Разделяем ли мы идеологию экологизма (самоценности природы)? Однозначного ответа нет. Скорее – не разделяем. Таким образом, при попытке оценить природный капитал возникают как количественные, так и смысловые проблемы.

На языке современной экологической экономики значительная часть природного капитала относится к глобальным экологическим благам – глобальному достоянию человечества. Неоклассическая теория гласит, что использование природных благ в рыночной экономике – это область рыночной недостаточности, которая проявляется во внешних эффектах (экстерналиях). Обосновывается необходимость регулирования внешних эффектов с целью формирования механизмов

обратной связи, отсутствующих в результате провалов рынка (интернализация экстерналий)³. В настоящее время разрабатываются и в определенной степени применяются следующие способы интернализации глобальных экстерналий: 1) международные соглашения по охране глобальных благ; 2) компенсации странам – экологическим донорам; 3) специальные фонды, стимулирующие сохранение природы; 4) суррогатные рынки для сохранения глобальных экологических благ (механизмы Киотского протокола); 5) механизм «долги в обмен на природу»; 6) системы глобальных налогов. Для регулирования глобальных экологических благ объективно необходимы наднациональные органы, «глобальное государство». Именно такая система принятия решений для управления окружающей средой и создана в мире. Она включает глобальные институты, как входящие в систему ООН, так и не входящие в нее (Комиссия по глобальному управлению, Комиссия по глобализации, Хартия Земли), а также многочисленные неправительственные организации⁴. То есть в мире для международного контроля природных ресурсов создана разветвленная система институтов, представляющих собой многоуровневую сетевую систему транснациональных и трансграничных связей, взаимодействующих в обход правительств, с *управляющими центрами, которые контролируются Западом* [Павленко 2011].

Управление глобальными экологическими благами включает широкий спектр финансовых механизмов. Их созданием занимаются финансовые структуры ООН, Всемирного банка, Института мировых ресурсов и других международных организаций. Сюда относятся финансовые потоки по Монреальскому и Киотскому протоколам, средства, направляемые через специальные фонды (Глобальный экологический фонд, «карбоновый фонд» Всемирного банка), межгосударственные механизмы «долги за природу» (учет затрат на охрану природы в счет погашения внешнего долга). На повестке дня – глобальные налоги, которые предполагается взимать с потребленных при производстве энергоресурсов. Очевидна опасность этих мер для суверенитета стран, богатых природными благами, которые будут вынуждены платить за развитие «реальную экологическую цену».

В российском научном сообществе популярна идея о получении дополнительных доходов в России от глобального экологического донорства. Предполагается стимулировать национальные правительства к восстановлению природных экосистем и развитию в границах староосвоенных территорий. Возможные доходы России от этого механизма оцениваются в 5–7 % ВВП. Однако надо понимать, что это плата за потерю суверенитета (не мы решаем, где и что развивать: вспомним Арктику), путь к деградации страны и превращению ее в резервацию, где

³ Глобальные экологические блага (от которых зависит биосфера планеты) – это блага, выгоды от которых универсальны для людей, стран и поколений (атмосферный воздух, озоновый слой и т. п.). Деградация этих благ порождает возникновение глобальных экологических экстерналий. Страны или группы стран могут дестабилизировать биосферу Земли, а издержки от такого воздействия распределяются на все страны. Это обуславливает необходимость разработки механизма интернализации глобальных экстерналий. Особенно остро данная проблема проявляется во взаимоотношениях развитых и развивающихся стран.

⁴ Интересен пример деятельности НКО, описанный Джоном Перкинсом. Когда в Эквадоре нашли нефть, то НКО с красивым названием «Американский летний институт лингвистики» развернула там свою деятельность, агитируя индейцев переходить в резервации в обмен на свои земли. В тех местах, где жители отказывались это сделать, в порядке благотворительности распространялись продукты, вызывающие диарею, а индейцев сгоняли с их земель под санитарными предлогами [Перкинс 2012].

население какое-то время сидит на пособии. Как долго продлится такая игра на чужом поле, по чужим правилам и с чужими судьями?

Таким образом, современный этап развития экономики характеризуется тем, что не только природные ресурсы, но и экологические услуги природы включаются в сферу рыночных отношений, что облегчает доступ к ним всех желающих и позволяет перенаправить их в руки «эффективных собственников». Рыночные механизмы природопользования, в частности механизмы интернализации глобальных экстерналий, устанавливаются крупнейшими мировыми финансовыми институтами в интересах узких кругов мировой финансовой элиты.

Проблемы межгенерационной справедливости по отношению к ресурсам природы

Традиционное понимание взаимоотношений поколений определяется соотношением потребления и накопления. Оптимизацией этого соотношения были заняты экономисты всех школ. Американский экономист Эдмунд Фелпс выдвинул гипотезу, согласно которой каждое поколение должно сберегать для будущих поколений такую же часть национального дохода, какую оставляет ему предыдущее поколение («золотое правило накопления»). Согласно этому критерию, мы потребляем чрезвычайно много. Попытаемся понять, как обосновываются наши обязательства перед будущими поколениями, касающиеся справедливого отношения к ресурсам природы. Обычно это объясняется необходимостью «честного» отношения к будущим поколениям. Поскольку следующие друг за другом поколения соединены между собой использованием Земли как общего наследства, то «каждое поколение должно оставить планету в не худшем состоянии, чем оно ее получило» [Weiss 1992]. Однако оценочный критерий «хуже – лучше» неясен. К примеру, если вспомнить, что И. Сталин принял страну с сохой, а оставил с атомной бомбой, то это в худшем или в лучшем состоянии?

У Дж. Ролза в договорной теории справедливости проблема рассматривается «за занавесом» (люди не знают, к какому поколению они принадлежат) и вводится допущение, что существуют семейные линии, которые заботятся по крайней мере о своих непосредственных потомках [Ролз 2010]. То есть для обоснования необходимости заботиться обо всех будущих поколениях автору потребовалось допущение, что речь идет не об абстрактных будущих поколениях, а о *собственных потомках*.

В экономике благосостояния (утилитаризм) ценность удовлетворения предпочтений (полезностей) индифферентна от времени. Учитывая неопределенный круг потомков, максимизация совокупной полезности вынуждает нынешние поколения к большой жертвенности ради больших выгод для более поздних. Данную проблему пытаются решить дисконтированием выгод и ущербов во времени. Традиционное (экспоненциальное) дисконтирование ведет к диктату настоящего. Разрабатываются подходы по гиперболическому дисконтированию (ставки дисконта убывают для ближайшего, среднего, далекого и крайне отдаленного будущего), при котором будущие блага (ущерб) не теряют своей значимости в самой ближайшей временной перспективе [Прокофьев 2008]. Однако эта проблема далека от разрешения.

Таким образом, из обзора теорий межпоколенческой справедливости в отношении природных ресурсов вытекает как минимум вывод о том, что любые обязательства в отношении будущих поколений можно обосновать лишь при условии, что в будущем поколении есть собственные потомки (а не вообще потомки человечества). То есть нынешнему поколению, чтобы принять какие-то ограничения, необходимо прежде всего быть уверенным в выживании его *собственных потомков*. Поэтому в процессе принятия решений экологические проблемы не могут доминировать над экономическими, политическими, военными и т. д. (вспомним судьбу М. Каддафи, который активно занимался охраной природы и развитием солнечной энергетики).

На практике идея межпоколенческой справедливости с середины прошлого века вылилась в создание суверенных фондов (национального благосостояния, стабилизационных фондов, фондов будущих поколений и т. п.). В настоящее время в мире насчитывается 57 таких фондов, и, по имеющимся оценкам, совокупный объем их средств достиг 5,2 трлн долларов [Навой, Шалунова 2014]. Подавляющая часть всех суверенных фондов благосостояния формируется за счет доходов от экспорта энергетических ресурсов и служит целям накопления и инвестирования.

В России Стабилизационный фонд был учрежден в 2004 г. В него перечислялись государственные доходы от добычи и экспорта нефти (в части экспортных пошлин и налога на добычу полезных ископаемых) при превышении мировой цены на нефть специально определенной «цены отсечения». С 1 февраля 2008 г. Стабилизационный фонд был разделен на две части: Резервный фонд и Фонд национального благосостояния. В них стали включаться и сверхдоходы от экспорта газа. На 1 августа 2015 г. в Резервном фонде РФ находилось 72,99 млрд долларов США (5 % ВВП), а в Фонде национального благосостояния – 74,56 млрд долларов США (6 % ВВП) [Министерство финансов РФ].

Набор финансовых инструментов, предусмотренных для инвестирования средств фондов, определяется соотношением «риск/доходность». Россия придерживается в этом вопросе консервативной стратегии. Многие фонды отличаются низким уровнем прозрачности с точки зрения управления и инвестиционных стратегий.

Вопрос о необходимости суверенных фондов является дискуссионным. Обычно создание фондов обосновывают возможностью: 1) покрывать дефицит бюджета в условиях неблагоприятной конъюнктуры; 2) аккумулировать избыточные экспортные поступления в период высоких цен на сырье; 3) проводить макроэкономическое регулирование (замедлять совокупный спрос, когда экономика страны развивается, и стимулировать его при экономическом спаде). Критика создания суверенных фондов сводится к следующим положениям: 1) нельзя провести техническое перевооружение страны, переводя реальный капитал в фиктивный (ценные бумаги иностранных эмитентов, как правило, с низкой доходностью); 2) трудно объяснить аккумулирование денежных средств в этих фондах (стерилизацию денежной массы) при острой нехватке денежных ресурсов в национальной экономике и вечных поисках инвесторов.

Отвлечение средств в суверенные фонды снижает возможности развития национальных экономик развивающихся стран. С другой стороны, они представляют угрозу и для финансовых рынков развитых стран. Попытки суверенных инвестиционных фондов получить контроль над реальными активами в развитых странах высветили несовпадение интересов в этом вопросе и подтолкнули развитые государства к финансовому протекционизму (ограничению возможности для покупки их активов). То есть конкурентные сражения переместились с реальных рынков на финансовые. Из чего следует, что функционирование таких фондов не дает никаких долгосрочных гарантий будущим поколениям, а просто ставит их благосостояние в зависимость от удачливости игры их предков на финансовых рынках.

Экологические ограничения экономического роста и численности населения

Дилемма экономического роста состоит в том, что, с одной стороны, он разрушает биосферу и потому не может быть устойчивым, а с другой стороны, если не обеспечивается рост экономики, то это приводит к потере рабочих мест, бедности и социальной дестабилизации, архаизации общества. КУР фокусируется исключительно на первой стороне дилеммы. Ее справедливо критикуют за попытки теоретически обосновать деиндустриализацию и депопуляцию. Эти выводы прозвучали уже в первых докладах Римского клуба («Пределы роста» [группа Д. Медоуза, 1972 г.] и «Человечество на перепутье» [М. Месарович – Э. Пестель, 1974 г.]). В первом докладе было показано, что при разных вариантах изменения пяти исходных факторов: быстрой индустриализации; роста численности населения; дефицита природных ресурсов; истощения их невозобновляемых запасов; деградации природной среды – получается неизменный результат – мировой кризис к середине XXI в. Авторы первого доклада пришли к выводу, что лучшим вариантом является стабилизация численности населения, прекращение роста промышленного производства, инвестирование только в сельское хозяйство и сферу услуг, а в промышленности – лишь возмещение износа фондов, то есть «нулевой рост». Авторы второго доклада подтвердили, что экспоненциальный рост приводит к экологическому, энергетическому, продовольственному, демографическому и экономическому кризисам и поэтому необходим рост, дифференцированный по регионам («органический»). Полученные результаты критикуют за выбор факторов, за исключение из анализа научно-технического прогресса и социального устройства общества. Действительно, полученные авторами выводы до некоторой степени банальны (если в системе ограниченные ресурсы, то рано или поздно они кончатся), однако «шоковая терапия» состояла в том, что авторы показали: при сохранении современных тенденций роста экономики экологического коллапса можно ждать достаточно скоро – к середине XXII в. (2140 г.).

В КУР указываются основные «ответственные» за возникновение экологических проблем. Это общество потребления в развитых странах, рост населения в развивающихся странах и высокая природоемкость продукции в странах с переходной экономикой (П. Эрлих). В качестве альтернативы экономическому росту предложено понятие *развития*, под которым подразумеваются некие качествен-

ные изменения в жизни общества, связываемые со снижением природоемкости производства, дикаплингом (рассогласованием трендов экономического роста и потребления ресурсов, обычно энергетических), сокращением выбросов парниковых газов (снижение карбооемкости экономики), развитием возобновляемых источников энергии и, наконец, развитием образования, поскольку то, что называется развитием, является, по сути, рентой знаний и технологий. Сегодня проблематика развития рассматривается в контексте так называемой «зеленой» экономики.

С одной стороны, КУР рассматривает экологические ограничения экономики исключительно мондиалистски. Вопросы, касающиеся того, как совместить интересы выживания и конкуренции отдельных национальных государств, остались вне ее рассмотрения. К примеру, неясно, как концепция «нулевого роста» вписывается в теории воспроизводства, каковы реальные экономические последствия замедления экономического роста для различных стран, как это повлияет на их положение в международном разделении труда и откуда возьмутся деньги на образование, о котором много говорят в КУР. Неясно, что лучше: «черный» рост или «зеленый» спад? В условиях спада первыми разоряются высокотехнологичные отрасли и в пределе остается натуральное хозяйство. Экологичность этой архаизированной экономики может быть высокой, однако перспективы данного общества в мировой конкурентной борьбе крайне низки. И даже если найдутся средства на образование, то не подкрепленная соответствующей промышленной политикой система будет работать только на вывоз образованных людей в богатые страны⁵. Существуют ли для развивающихся стран «лифты» в капиталистическое ядро? Каковы экологические аспекты этого продвижения? Все эти вопросы КУР не только не исследует, но даже не ставит. Соединение в КУР глобалистского подхода с либеральным позволило разработать и обосновать механизмы перехода к «новому мировому порядку» – мировому правительству и выведению ресурсов из-под контроля национальных государств⁶. Таким образом, в понятии «устойчивое развитие» произошло соединение экологии с экономикой и политикой, а само УР превратилось в один из инструментов глобального управления.

Вопросы развития тесно увязаны с проблемой численности населения. В КУР эксплицитно и имплицитно обосновывается необходимость депопуляции. Формально необходимость депопуляции объясняется давлением населения на ресурсы. Например, в экономике природопользования рассчитывается «экологический след» – показатель, который определяет потребности человека в эквивалентах биологически продуктивной площади земли (сколько надо земли, чтобы произвести все необходимое для одного человека). Доказывается, что уже на рубеже нынешнего века этот показатель на 30 % превышал возможности планеты. Самой

⁵ Примером успешного экономического развития во второй половине XX в. являются «азиатские тигры». Главный секрет их успеха состоял в государственном регулировании форсированной индустриализации при относительно низких издержках производства за счет дешевой (но дисциплинированной) рабочей силы, уровень образования которой повышался лишь по мере экономического роста. На сегодняшний день увеличение стоимости рабочей силы в этих странах побуждает ТНК к переводу ряда производств в страны с более дешевой рабочей силой (например, Вьетнам).

⁶ Вспомним в этой связи высказывание бывшего госсекретаря США М. Олбрайт о том, что единоличное обладание Россией Сибирью «несправедливо» и Сибирь следует поставить под международный контроль.

распространенной оценкой оптимальной численности населения являются цифры в 1 или 2 млрд человек. В этой связи уместно вспомнить мнение М. Тэтчер, что русских слишком много, и для обслуживания «трубы» достаточно 15 млн человек.

Складывающаяся постиндустриальная структура экономики не нуждается в большом количестве населения. Через структуры глобального управления широко внедряются инструменты ограничения рождаемости: так называемая политика планирования семьи, раннего сексуального образования, культ нетрадиционной сексуальности, феминизма, производство генно-модифицированных продуктов и т. п. Понятие «контроля над рождаемостью» прочно вошло в международные документы, а вопросы помощи бедным странам напрямую увязываются с их успехами в сокращении населения. Например, уже в докладе Э. Пестеля «За пределами роста» (1988 г.) обосновывалась мысль о возможности передачи технологий развивающимся странам только при условии снижения темпов роста населения. Поэтому если у английского классика Т. Мальтуса с его демографическими циклами в отношении вопроса о благоприятной численности населения доминировал социальный дарвинизм (в войнах, эпидемиях выживают сильнейшие), то в современном мире это процесс, управляемый глобальной элитой. Это важная точка пересечения проблем экономического роста и народонаселения, поскольку именно экономическое положение страны во многом определяет то, в какой мере ее население становится объектом такого управления.

Проблема глобального изменения климата (глобального потепления) и разработка механизмов снижения выбросов парниковых газов

Внедрение механизмов снижения выбросов парниковых газов – ключевое положение теории УР. В его основе лежит тезис об однозначной антропогенной обусловленности происходящих климатических изменений. Декларируется зависимость глобального изменения климата и концентрации парниковых газов в атмосфере: увеличение концентрации парниковых газов (прежде всего CO₂) приводит к парниковому эффекту. Поскольку 98 % всех парниковых газов антропогенного происхождения попадают в атмосферу в результате сжигания органического топлива, то ключевым вопросом в предотвращении глобальных изменений климата является энергоэффективность. В 1992 г. была принята Рамочная конвенция ООН об изменении климата, а в 1997 г. подписан Киотский протокол – первый международный документ, использующий рыночный подход для решения экологических проблем. По этому документу, для каждой страны (развивающиеся страны не брали на себя обязательств) определялся допустимый объем выбросов парниковых газов и устанавливались механизмы реализации, включающие: 1) торговлю квотами; 2) проекты совместного осуществления (страна-продавец передает часть своих квот стране-покупателю в обмен на инвестиции в проекты по снижению выбросов на ее территории); 3) механизм чистого развития (странами-продавцами являются государства, не имеющие обязательств по снижению выбросов). Россия ратифицировала этот документ в 2005 г. (США не ратифицировали договор, Канада вышла из него, Индия и Китай не подписывали вовсе).

Вместе с тем исходная предпосылка о связи выбросов парниковых газов антропогенного происхождения с глобальным изменением климата подвергается критике. Во-первых, суммарное антропогенное выделение CO₂ не превосходит 8 % от его естественного годового цикла. Во-вторых, исследование льдов Антарктиды показывает, что содержание CO₂ в атмосфере демонстрирует циклические колебания с периодом в 110 тысяч лет и в прошлом наша планета переживала и более серьезные повышения содержания углекислого газа в атмосфере (в 12 раз выше нынешних), при этом жизнь на Земле продолжала существовать и развиваться. В-третьих, существуют убедительные аргументы в пользу других факторов изменения климата (планетарная перестройка, изменение солнечной активности, нарушения в течении Гольфстрим, применение климатического оружия и т. д.). В-четвертых, научная ценность «теории потепления» подрывается разоблачениями Джулиана Ассанжа, раскрывшего махинации британских и американских климатологов.

Отметим, что вопрос о парниковых выбросах чрезвычайно политизирован. «Глобальное потепление» позиционируется как истина, не требующая дальнейших доказательств, и на пропаганду этой истины тратится колоссальный объем финансовых вложений. Почему проблемы «глобального потепления» носят столь безальтернативный характер? Прежде всего это расширение могущества финансовой олигархии. Но не это главное. С помощью данного механизма имеется возможность управлять развитием отдельных стран. Показателен скандал, вызванный публикацией документа (так называемый «Датский текст»), подготовленного к саммиту в Копенгагене (2010 г.). Основные спорные положения этого документа: 1) передача контроля над средствами, выделяемыми на помощь развивающимся странам, в распоряжение не ООН, а международных финансовых институтов; 2) неравномерность сокращения квот на выброс парниковых газов: в расчете на душу населения развивающиеся страны должны были в два раза больше снизить выбросы по сравнению с развитыми; 3) отсутствие учета выбросов США (приблизительно четверть всего объема парниковых выбросов). В результате на саммите 2010 г. не удалось подписать никакого соглашения о продлении действия Киотского протокола за пределы 2012 г. Более того, китайцы потребовали от США предварительного сокращения выбросов на 40 % в качестве условия для продолжения каких-либо дальнейших переговоров.

Таким образом, механизмы Киотского протокола фактически могут рассматриваться как инструменты управления, позволяющие сдерживать экономический рост конкурентов (главным образом развивающихся стран), контролируя потребление энергии, что делает их элементом большой политики.

* * *

Представленный в статье анализ КУР показывает, что она является скорее идеологией, чем научным знанием. Напомним различия науки и идеологии: первая имеет целью познание мира, вторая – учит людей тому, что они должны думать о тех или иных явлениях бытия, как их оценивать и как поступать в тех или иных случаях, то есть имеют целью *формирование сознания людей и манипулирование людьми путем воздействия на их сознание* [Зиновьев 2004]. Это идеология глобального управления, идеология нового мирового порядка. Просматривается

ее проторелигиозный характер. На этот факт указывает американский писатель Майкл Крайтон: некогда человек жил в раю, в гармоничном единении с природой. Но затем он вкусил запретный плод от древа познания добра и зла (вступил на путь индустриализации) и был изгнан из рая. За это грехопадение всем нам воздастся на грядущем Страшном суде (гибель планеты Земля по вине человека). Мы совершили страшный грех, нарушив экологическое равновесие в природе, наше главное преступление – неумеренное расходование природных ресурсов, в первую очередь энергоносителей. Но не все потеряно, мы еще можем заслужить прощение у природы, перейдя на путь стабильного развития – эквивалента спасения души [Вольский 2014]. Апокалипсисом в этой религии выступает грядущая экологическая катастрофа, в качестве которой по очереди служат озоновые дыры, парниковый эффект и т. п. На практике становится все более очевидным, что выбор «актуальных» экологических проблем часто происходит из экономической или политической конъюнктуры («двойные экологические стандарты»). Все вышесказанное показывает, что КУР является не конечной целью человечества, а инструментом управления со стороны западных элит, элементом глобализации мира. Однако неправильно было бы отрицать вообще наличие научного знания об экологических проблемах. Очевидна необходимость рационального использования ресурсов, соблюдения гигиенических требований; промышленная экология – важнейшее направление современной научной мысли. Критике подвергается лишь попытка придать экологической проблематике универсальный характер без учета различий современных государств. Место экологической проблематики в системе задач, стоящих перед каждым обществом, определяется только исходя из четко сформулированной сверхзадачи. И лишь затем можно сформировать комплекс мер и последовательность действий для ее достижения. К примеру, если нашей целью является сохранение российского народа в далекой перспективе (то есть мы хотим видеть в будущем наших собственных потомков), то должны быть сформулированы задачи для реализации этой цели – военные, политические, экономические, идеологические, продовольственные и др. Экологические задачи в этом перечне занимают свое важное, но далеко не главное место.

Литература

Бобылев С. Н. Как оценить биоразнообразие // Бюллетень Центра экологической политики России. 1998. № 5. С. 16–17.

Вольский В. «Зеленое» кредо или квазирелигия экологизма. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://club.berkovich-zametki.com/?p=10549>.

Данилов-Данильян В. И. Устойчивое развитие: 20 лет споров // Экономическая эффективность развития России. М. : Теис, 2007. С. 467–480.

Зиновьев А. А. Научные основы идеологии. 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2004/12/08/ideol/>.

Катасонов В. Б. Санкции. Экономика сопротивления. М. : Алисторус, 2015.

Министерство финансов РФ [сайт]. URL: <http://www.minfin.ru/ru/performance/reservefund/index.php>.

Навой А. В., Шалунова Л. И. Резервный фонд и Фонд национального благосостояния России в международной системе суверенных фондов // Деньги и кредит. 2014. № 2. С. 29–33.

Павленко В. Б. Мифы «устойчивого развития». Глобальное потепление или «ползучий» глобальный переворот. М. : ОГИ, 2011.

Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы. М. : Претекст, 2012.

Прокофьев А. В. Справедливое отношение к будущим поколениям (нормативные основания и практические стратегии) // Этическая мысль: ежегодник. Вып. 8. М. : Ин-т философии РАН, 2008. С. 229–253.

Ролз Дж. Теория справедливости. М. : ЛКИ, 2010.

Симчера В. М. Двойственные оценки основных показателей развития российской экономики в 2001–2010 гг. 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://obkon.ucoz.com/news/shokirujushhie_priznaniya_specialista_po_statistike_rf/2012-10-10-212.

Weiss E. B. Intergenerational Equity: A Legal Framework for Global Environmental Change // Environmental Change and International Law: New Challenges and Dimensions / Ed. by E. B. Weiss. Tokyo : The United Nations University, 1992.